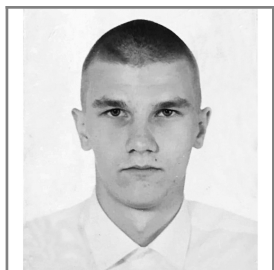

От редакции. Статья А.А. Головина «Наука как призвание и профессия. Герменевтика и рефлексия» представляет собой эссе свободной формы, не вполне соответствующее формату журнала. Автор этой статьи – молодой ученый, магистрант. По итогам слепого рецензирования он занял 3-е место на конкурсе статей к столетию знаменитой речи М. Вебера и получил право на публикацию в журнале. Статья обсуждалась на редколлегии, автор проявил усердие и учел замечания рецензентов. Редакция желает автору дальнейшего творческого роста и надеется, что такой кредит доверия будет ему способствовать.

НАУКА КАК ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ. ГЕРМЕНЕВТИКА И РЕФЛЕКСИЯ

Головин Алексей Алексеевич – магистрант. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Российская Федерация, 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная р. Мойки, д. 48; e-mail: aleksey.golowin1995@yandex.ru

В этой статье автор стремится осмыслить значение речи М. Вебера «Наука как призвание и профессия»: какие цели и задачи ставил докладчик и в чем заключается актуальность лекции для понимания науки и человека сегодня? В качестве исторического источника используется автобиография К. Лёвита, в которой зафиксированы личные переживания слушателя от этой речи. Отсылая к идеям Шлейермахера, автор стремится истолковать доклад Вебера как *Lebenswerk*. Автор связывает идеи доклада с историческим контекстом того времени, а также с идеями философии жизни и неокантианства. Автор полагает, что ключевое значение для понимания науки как призвания имеет призыв Вебера к рефлексии. Автор осмысливает значение рефлексии не только для науки, но и для личности в целом – ее самоидентификации и самопознания, а также ориентации в социальном пространстве.

Ключевые слова: Макс Вебер, наука как призвание и профессия, герменевтика, рефлексия, оценочные суждения, мировоззрение

SCIENCE AS A VOCATION. HERMENEUTICS AND REFLECTION

Aleksey A. Golovin – MA Student. Herzen State Pedagogical University of Russia. 48 Moika Emb., 191186 Saint Petersburg, Russian Federation;

In this article, the author tries to understand the significance of “Science as a Vocation” for Max Weber’s listeners: what goals and objectives did the speaker set, and what is the relevance of the lecture to understand science and scientists today? As a historical source, the autobiography of K. Levit is used, which recorded the listener’s personal experiences from the speech. Referring to Schleiermacher’s ideas, the author seeks to interpret Weber’s speech as *Lebenswerk*. The author connects the ideas of

e-mail: aleksey.golowin1995@yandex.ru

the speech with the historical context of that time, as well as the philosophy of life and neo-Kantianism. The author believes that Weber's call for reflection is of key importance for understanding science as vocation. The author comprehends the significance of reflection not only for science, but also for the personality as a whole – for its self-identification and self-knowledge, orientation in the social space.

Keywords: Max Weber, science as a vocation, hermeneutics, reflection, value judgments, worldview

Макс Вебер, утомленный баварской погодой, пробираясь через заполненную аудиторию к кафедре, чуть более ста лет назад в Мюнхене начал свой доклад «Наука как призвание и профессия» (*Wissenschaft als Beruf*). Будучи застенографированным с предельной точностью, сегодня доклад предстает перед нами со всей той «демонической» (по впечатлению Карла Лёвита) мощью, с какой и был произнесен. Мы характеризуем доклад Вебера прилагательным «демонический» для того, чтобы подчеркнуть: понимание данного произведения нуждается не только в уяснении дискурсивного плана, выраженного в понятиях и в языке, но и в схватывании аффективно-эмоциональной стороны доклада с целью восстановления той атмосферы, в которой доклад был зачитан. Этот доклад был вызовом, и мы постараемся осмыслить в этой статье, к чему именно призывал его автор. В речи Вебера знание соединялось с глубоким жизненным опытом, на каждом его слове лежала тяжелая печать личности [Löwith, 2007, р. 18], и этого нельзя не заметить. Он срывал покровы иллюзий, и его слова были настоящим освобождением для слушателей [Ibid., р. 19]. В этой статье я постараюсь прояснить, что же означало это «освобождение/избавление» (*Erlösung*) и крушение иллюзий для слушателей доклада, а также что сегодня представляет собой наука, если к ней относиться как к призванию и профессии.

Доклад «Наука как призвание и профессия» был прочтен по просьбе студенческого кружка (*Freistudentenschaft*) перед молодыми людьми, многие из которых только что вернулись из окопов. Доклад был очень «своевременным» и имел прямое отношение к социально-политической и культурной ситуации в Германии. Вся страна была охвачена революционным возбуждением, среди молодежи нарастало стремление к новому мировоззрению¹, которое позволило бы пережить кризис. Отнюдь не случайно то, что именно в эти годы Фрейд диагностирует «недовольство культурой». Вот как описывал эту ситуацию Э. Шпрангер в 1921 г.: «Для нынешнего времени характерно влечение к целостности и одновременно религиозное томление:

¹ Это отмечается как самим Максом Вебером в докладе, так и, к примеру, Э. Шпрангером [Сафрански, 2002, с. 138], Марианной Вебер [Вебер Марианна, 2007, с. 279], Г. Риккертотом [Риккерт, 2000, с. 36].

стремление ощупью найти дорогу назад – из мира искусственных машин и механических отношений к неиссякаемому метафизическому источнику» [Сафрански, 2002, с. 138]. Именно влечение к метафизическому источнику породило заблуждение, о котором говорил М. Вебер в обсуждаемом докладе: «Ходячим является заблуждение, заставляющее искать в профессоре не то, что она (молодежь) видит перед собой: вождя, а не учителя» [Вебер Макс, 1990, с. 727]. Мировоззренческий кризис имел целый ряд причин и, не понимая их, невозможно оценить значение доклада Вебера. Среди них важны и политические, и социальные: поражение в войне, тяжелая экономическая ситуация, позже – унижительный Версальский мир (и это далеко не полный ряд). Однако это причины внешнего характера. В свою очередь, о внутренних, «духовных», можно сказать следующее. А. Шопенгауэр в середине XIX в. с надеждой смотрел в будущее, в котором философия в обществе займет место, которое прежде занимала религия. Он отмечал упадок религиозности немцев и то обстоятельство, что метафизическая потребность, под которой Шопенгауэр понимал потребность в целостном взгляде на мир, никуда не исчезнет, а ее жажда будет утолена философией [Шопенгауэр, 2011 с. 132]. Он и подумать не мог, что метафизическим источником будет далеко не философия и не религия. Именно в Мюнхене начнет свою деятельность Национал-социалистическая рабочая партия Германии, а позже один из ее пропагандистов национал-педагог Эрнст Крик, выступая против идей доклада М. Вебера, требовал от науки участия в создании национальной религии и национального мировоззрения [Сафрански, 2002, с. 138]. Неудивительно, что при насущной потребности того поколения в новых нравственных ориентирах не произошло возврата к традиции, который рассматривался Вебером как возможный. Прав был И.В. Киреевский, когда писал: «Многовековой холодный анализ разрушил все те основы, на которых стояло европейское просвещение от самого начала его развития, так что его собственные коренные начала (христианства) сделались для него посторонними и чужими» [Киреевский, 2015, с. 9]. Это отчужденное изучение христианства, о котором писал Киреевский, разрушило европейскую религиозность. Молодое поколение чувствовало себя оставленным Богом [Вебер Марианна, 2007, с. 279], однако на его место должен быть встать кто-то другой, ведь сама «метафизическая потребность» не исчезла. Именно в эти годы мировоззренческого кризиса выйдет в свет книга Карла Бри «Скрытые религии» (*Verkappte Religionen*), которая будет распознавать в коммунистических, фашистских, мистических, поэтических, политических и общественных объединениях скрытые религии, формирующие мировоззрения. Всего через несколько месяцев после доклада Вебера в городе вспыхнет революция, во многом спровоцированная именно движением «скрытых религий».

Говоря о мировоззренческом кризисе той поры, нужно упомянуть и о философии жизни – господствовавшем в то время течении мысли [Риккерт, 2000, с. 3; Сафрански, 2002 с. 88; Вебер Марианна, 2007, с. 278]. Именно с этим направлением связано внимание Вебера к проблеме одержимости молодежи, которая стремится всё «переживать». Вот как выразил этот клич эпохи Риккерт: «Человек должен как можно больше переживать и как можно более жизненно развертывать свою жизнь во всех направлениях. Ничего живого, что хочет проявиться, он не вправе подавлять и губить... Живи!» [Риккерт, 2000, с. 19]. Согласно идеям философии жизни (например, А. Бергсона) наука не может запечатлеть и схватить жизненный порыв, перед жизнью она бессильна – это была одна из причин того, что извлечение от рационализма и интеллектуализма науки стало лозунгом молодого поколения. Из-за внутреннего кризиса этого поколения, запечатленного в будто бы спасительном лозунге «Живи!», от наук от культуры стали требовать мировоззрения, убеждений, практических позиций [Вебер Марианна, 2007, с. 280]. Так и возникло стремление видеть в учителе вождя, а словами Вебера – демагога или кафедрального пророка. Но может ли наука, оставаясь в пределах точного научного знания, дать человеку мировоззрение? Может ли и должна ли наука совершить выбор между мировоззрениями, т.е. ценностями? Как, исходя из фактов наук о культуре, объективно разрешить социально значимые проблемы? Их решение всегда будет зависеть от совершенно определенных ценностных установок. Наука не бывает беспредпосылочной. Смысл, который мы вкладываем в понятие науки, содержит имманентную оценку. Наука может лишь сказать нам, что мы должны делать, если хотим овладеть миром технически, но хотим ли мы этого или должны ли мы это – на этот вопрос она не может ответить [Вебер Макс, 1990, с. 719]. Наука может проверить соответствие средств поставленной нами цели, она может прояснить отношения между разными ценностными установками, показать последствия принятых решений. Наука может охарактеризовать практическое положение дел, с которым нам приходится считаться, она также способна подвергнуть критике постановку целей, исходя из исторической ситуации. Но она не может указать, как именно нам поступать, и освободить нас от ответственности за выбор. Выбор – всегда дело индивида. М. Вебер предостерегает своих слушателей, говоря о наличии оценочных суждений в речах их профессоров, злоупотребляющих положением за кафедрой и выдающих свое мировоззрение за общезначимое. Цель подлинного учителя – не навязывать студенту некие взгляды, а научить его задаваться вопросом о конечном смысле собственной деятельности. Но что должно стать мировоззрением, что может удовлетворить метафизическую потребность, если не религия, не нация, не самозабвенная преданность государству, не путь анархического эгоизма Макса Штирнера,

не «научное» мировоззрение? Ответ М. Вебера прост – каждый должен найти своего демона и служить ему [Вебер Макс, 1990, с. 735]. У этого мыслителя мы встречаем завидную веру в способность индивида к самоопределению, ведь он предлагает непростой, даже чрезвычайно трудный путь – самостоятельно выработать в себе с помощью рефлексии ценностные установки и мировоззрение: «Судьба культурной эпохи вкусившей плод от древа познания, состоит в необходимости понимания, что смысл мироздания не раскрывается исследованием, каким бы совершенным оно ни было, что мы сами призваны создать этот смысл, что мировоззрения никогда не могут быть продуктом развивающегося опытного знания и, следовательно, высшие идеалы, наиболее нас волнующие, во все времена находят себе выражение лишь в борьбе с другими идеалами, столь же священными для других, как наши для нас» [Там же, с. 353].

Несмотря на совершенно конкретную историческую ситуацию, доклад «Наука как призвание и профессия» до сих пор не потерял своей актуальности. В нем затронуты не только социально-политические «проблемы» Германии того времени, но и смысл самой культурной деятельности человека и жизненного мира, в котором он действует. Это произведение можно понять исключительно как факт жизни автора, поэтому оно требует понимания «исторической фактичности», в которой находился автор. Отталкиваясь от идей Ф. Шлейермахера, мы ставим задачу понять доклад Вебера *Wissenschaft als Beruf* как то, что Шлейермахер называл *Lebenswerk*, т.е. «произведение жизни» [Шлейермахер, 2004, с. 176].

Зимний семестр 1918/1919 года Макс Вебер проводил в Гейдельберге. В Мюнхен, который в то время уже притягивал всех несогласных с политических курсом республики и в котором проходили постоянные демонстрации леворадикальных партий, Вебер прибыл по поручению «Прогрессивной народной партии» для выступления с политической речью о новом устройстве Германии [Вебер Марианна, 2007, с. 514] и по просьбе студентов прочитал обсуждаемую лекцию. В связи с социально-политической атмосферой Мюнхена того времени уместно поставить вопрос о том, не имел ли и доклад М. Вебера политических целей? А значит, удалось ли самому Веберу отказаться от оценочных суждений в докладе, как он того требовал от слушателей? Уместно поставить и такой вопрос: не является ли требование отказа от оценочных суждений в науке суждением, по своему своему смыслу также зависевшим от оценки?

Такая позиция Вебера, согласно которой выбор индивида должен определяться самостоятельной ценностной позицией, может показаться странной тому, кто не понимает, какая «философия» стоит за подобными высказываниями. Это единственная приемлемая для Вебера метафизика – борьбы богов: «Жизнь, основанная на самой себе и понимаемая из нее самой, знает только вечную борьбу богов,

знает только несовместимость наиболее принципиальных, вообще возможных жизненных позиций и непримиримость борьбы между ними, а, следовательно, и необходимость выбирать» [Вебер Макс, 1990, с. 730].

Впервые совершенную непримиримость разных метафизических позиций показал Кант, указав на то, что ни одна из них не подлeжит рациональной критике, так как выходит за рамки возможного опыта, который единственно дает критерии оценки истинности знания. Мы можем установить соответствие знания его предмету, однако если предмет нельзя обнаружить в опыте, то нельзя и предъявить ему никаких критериев истинности, кроме логических, которых совершенно недостаточно для объективной обоснованности. Но после Канта антиномичность положений метафизики стала поводом для борьбы мировоззренческих установок. В учении Шопенгауэра, который во времена Вебера являлся самым популярным и читаемым из поколения старших философов [Риккерт, 2002, с. 26; Schopenhauer-Handbuch, 2018, с. 294], метафизика взаимодействует с этикой, и последние выводы философской системы неминуемо встают в связь с нравственным миропорядком, а выводы его пессимистического учения известны: мир – бесконечная борьба воли с самой собой. С другой стороны, В. Виндельбанд обратил внимание на то, что все наши высказывания делятся на суждения и оценки. Особенность вторых состоит в том, что в них выражается определенное отношение к предмету, которое не имело бы смысла, если бы не претендовало на общеобязательность. Несмотря на эмпирическую относительность оценок, они всегда выражают абсолютное притязание [Виндельбанд, 2007, с. 39]. Борьба богов, как объективный взгляд на действительность, у М. Вебера как раз и означает борьбу ценностных позиций в отсутствие абсолюта. В свою очередь, от науки мы можем ожидать прояснения отношения «средств к цели», которое повлияет на отношение индивида к практическим действиям. Все это важно для понимания философской позиции Вебера – он никогда не был релятивистом в морали и считал релятивизм внутренне противоречивым: он никогда не использует выражение – «существование» разных ценностных позиций, но всегда – *борьба* ценностных позиций.

Кто прояснил для себя метафизику Вебера, тот осознал и всю трагичность доклада, поскольку Вебер сам в тот день вступил в борьбу богов/ценностей. В то время разворачивалась борьба позиций: Э. Крика, выступающего за понимание науки как дисциплины, формирующей националистическое мировоззрение; Карла Евгения Вюртембергского, который видел цель образования в производстве верных ему чиновников, а также позиция самого Вебера. Требование отказа от оценки – это тоже лишь одна из позиций высказывающего оценочное суждение субъекта. Даже само определение Вебером науки – «наука есть профессия, осуществляемая как специальная дисциплина

и служащая делу самосознания и познания фактических связей» – не стало общепризнанным. Всего через год, еще при жизни Вебера, в свет выйдет книга О. Шпенглера «Закат Европы», в которой фактические связи переплетутся с личными убеждениями автора и будут пророчески взывать к духу времени средствами спекулятивной философии, выдающей себя за науку.

Вебер понимал уязвимость своей точки зрения, он знал, что отказ от оценочных суждений в преподавании и науке – дело целей, которые ставит себе университет, государство или индивид. А значит, здесь разворачивается борьба жизненных сил, в которую так или иначе вовлечена и наука. Вебер не допускал простых решений, но строго требовал, чтобы каждый отдавал себе отчет в конечном смысле собственной деятельности, чтобы со всей интеллектуальной честностью каждый спросил себя – что значит жажда революций и требование воплощения идеального общества? Заметим, что неслучайно одна из глав уже упоминаемой книги К. Бри называется «Бегство в будущее» [Bry, 1925, с. 109]. Каковы действительные последствия наших действий и революции? Готовы ли солдаты продолжать оставаться в окопах? Готовы ли мы встретить пулей первого польского чиновника, посмеявшегося войти в Данциг? Да, в конечном счете, и само требование рефлексии над собственной деятельностью можно свести к мировоззренческой установке, противопоставленной тому сорту нигилизма, который предпочитает растворяться в аффективных решениях и поступках, отчуждать от себя ответственность. Но для многих слушателей доклада освобождение могло наступить. Немецкое *Erlösung* в данном контексте это не только освобождение, но и призыв к избавлению от иллюзий, который заставляет нас увидеть непроглядную тьму расколдованного мира [Löwith, 2007, p. 20].

У Вебера мы должны научиться интеллектуальной честности, мужеству в признании обстоятельств сегодняшнего дня. Мы должны уметь разрушать иллюзии, господствующие в наше время. Вебер выразил вечно актуальное требование к ученому, к адепту науки как призвания и профессии, имеющие смысл во все времена.

Еще раз подчеркнем главный императив ученого, который видит в науке свое призвание и профессию, – рефлексия и ответственность. В условиях, когда совершенно необходимо обладать критическим мышлением для ориентации в потоках информации, рефлексия должна обрести статус добродетели и быть востребованной не только для призванного ученого. Нравственные, социальные, жизненные установки и ориентиры должны формироваться вместе с рефлексией, а не вопреки ей. Догматическое усвоение исторической и интеллектуальной традиции должно быть заменено живым пониманием и рефлексивным принятием со всеми ее трудностями и противоречиями. Для этого требуется определенного рода мужество. И здесь нельзя ограничиваться одним лишь морализаторским требованием к рефлексии –

здесь должно быть затронуто чувство человеческого достоинства. Вебер вызвал не только к разуму, но и к страсти. Рефлексия, быть может, не способна полностью определить самостоятельную мировоззренческую позицию личности, но она, по крайней мере, должна сопровождать ее формирование, чтобы мировоззрение было осознанным и осмысленным, а не просто заимствованным. Если человек хочет или считает должным для себя быть свободным, то рефлексия – путь и оружие. Бердяеву подобное положение казалось ясным как день, точно так же, как самопознание признавалось им неотъемлемым свойством души: Я есмь акт, Я созидаю свою личность, когда познаю себя [Бердяев, 1989, с. 394]. Рефлексия – не только гносеологическая категория, но и онтологическая: это не только размышление, но и действие, отражающее наше мировоззрение. Можно упомянуть в этой связи Л.С. Выготского, который видел в рефлексии основу формирования высших психических функций: сознания и самосознания [Выготский, 1980, с. 141].

Выделение рефлексии как необходимой практики в формировании и ценностных установок приводит нас к пониманию смысла науки как призвания. Призвание не может быть чем-то только профессиональным, его моральным основанием является сама личность. Наука как профессия не подразумевает рефлексии и ответственности, она нацелена лишь на практический результат, на отчужденную от личности исследователя/ученого деятельность. Наука как призвание имеет своим предельным основанием именно человека и его систему ценностей.

Наука и сегодня должна быть профессией и призванием в том строгом смысле, который придал ей Вебер – она должна осмыслить средства, осуществить рефлексию и прояснить цели современного общества. Какие цели и средства должны выделить и понять современные науки о культуре? Они должны выявить последствия нового образа жизни. К чему приведет установка на то, будто бы смысл жизни заключается в непрестанном потреблении технических новшеств? К чему приводит примитивизация потребностей? К каким изменениям в социальной и экономической сфере приведет все более востребованный лозунг «Пользоваться, но не иметь!»? Как влияют экономические войны и геополитические противостояния на мировоззрение конкретных людей? Как современный образ жизни отразится на будущем облике человека? В таких обстоятельствах нельзя не вспомнить о книге брата М. Вебера, Альфреда Вебера «Третий или четвертый человек», которая, помимо прочего, характеризует радикальное изменение человеческой самости под воздействием окружающей (исторической, социальной, технической) среды [Вебер Альфред, 1999, с. 276]. Не приведет ли в действительности «заколдованность экраном» к появлению нового человека, лишённого прежней человечности, обезчеловеченного, обескровленного, не способного

на самостоятельность, ответственность, лишенного свободы? Желанно ли приближение нового человека? Готовы ли мы принять неминуемое будущее, порождаемое нами в настоящем? Сегодня метафизическая потребность человека в поиске смысла и истины удовлетворяется постоянно изменяющимся контентом интернет-ресурсов, которые, с одной стороны, приводят к забвению нами самих себя, а с другой – определяют наши ценностные установки. И если религия и философия, удовлетворяя высшие экзистенциальные потребности человека, ориентировали его на благонравное поведение, то какие нормы может выработать современное «медиаосознание»? Это лишь калейдоскопическое схватывание самой общей информации в потоке, которая все быстрее утрачивает значимость.

В этой статье была представлена попытка осмыслить моральный посыл доклада «Наука как призвание и профессия», который, как нам кажется, был понятен слушателям Вебера. Этот посыл состоит в требовании предельной осознанности деятельности, которая достигается через рефлекссию. Речь Вебера – это не только уникальный источник для изучения интеллектуальной истории, благодаря которому можно схватить настроение того времени, прочувствовать его трагизм и вместе с тем осознать все сходство нашей эпохи с ушедшей. Это также нравственное наставление к ответственности, это средство для пробуждения от догматического сна. Благородные цели этой речи заслуживают того, чтобы и сегодня мы обращались к ней.

Список литературы

Бердяев, 1989 – *Бердяев Н.А.* Самосознание: Опыт философской автобиографии. 3-е изд. Париж.: YMCA-PRESS, 1989. 394 с.

Вебер Альфред, 1999 – *Вебер А.* Избранное: Кризис европейской культуры / Пер. с нем. М.И. Левина, Т.Е. Егорова. СПб.: Университетская книга, 1998. 556 с.

Вебер Макс, 1990 – *Вебер М.* Избранные произведения / Пер. с нем. Ю.Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Вебер Марианна, 2007 – *Вебер М.* Жизнь и творчество Макса Вебера / Пер. с нем. М.И. Левина. М.: РОССПЭН, 2007. 656 с.

Виндельбанд, 2007 – *Виндельбанд В.* Прелюдии: философские статьи и речи / Пер. с нем. С. Франка. М.: Гиперборея, 2007. 399 с.

Выготский, 1980 – *Выготский Л.С.* Динамика и структура личности подростка // Хрестоматия по возрастной и педагогической психологии / Под ред. И.И. Ильсова, В.Я. Ляудис. М.: МГУ, 1980. С. 138–142.

Кант, 2007 – *Кант И.* Критика практического разума. Изд. 3. / СПб.: Наука, 2007. 528 с.

Киреевский, 2015 – *Киреевский И.В.* О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. СПб.: Общество памяти и гуманизма Таиси, 2015. 112 с.

Риккерт, 2000 – *Риккерт Г.* Философия жизни. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 240 с.

Сафрански, 2002 – *Сафрански Р.* Хайдеггер. Германский мастер и его время / Пер. с нем. Т.А. Баскаковой. М.: Молодая гвардия, 2002. 614 с.

Шлейермахер, 2004 – *Шлейермахер Ф.* Герменевтика / Пер. с нем. А.Л. Вольского. СПб.: Европейский Дом, 2004. 241 с.

Шопенгауэр, 2011 – *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление / Под ред. А.А. Чанышева // *Шопенгауэр А.* Собрание сочинений. В 6 т. Т. 2. М.: Республика, 2011. 560 с.

Bry, 1925 – *Bry C.* *Verkappte Religionen*. URL: <http://digital.ub.uni-duesseldorf.de/urn/urn:nbn:de:hbz:061:1-18109> (дата обращения: 04.04.2019).

Löwith, 2007 – *Löwith K.* *Mein Leben in Deutschland vor und nach 1933*. URL: <https://yadi.sk/i/d1nnNpVhw0E2vw> (дата обращения: 04.04.2020).

Schopenhauer-Handbuch, 2018 – *Schopenhauer-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung*. – Editors: Schubbe, Daniel, Koßler, Matthias (Hrsg.). 2018. URL: <https://www.springer.com/us/book/9783476045584> (дата обращения: 04.04.2020).

References

Berdyayev, N. *Samosoznanie: Opyt filosofskoj avtobiografii* [Self-knowledge. An Essay in Autobiography. 3rd ed]. Paris: YMCA-PRESS Publ., 1989, 394pp. (In Russian)

Bry, C. *Verkappte Religionen*. [<http://digital.ub.uni-duesseldorf.de/urn/urn:nbn:de:hbz:061:1-18109>, accessed on 04.04.2019].

Kant, I. *Kritika prakticheskogo razuma* [Kritik der Praktischen Vernunft]. Saint Petersburg: Nauka, 2007, 528 pp. (In Russian)

Kireevskii, I. *O haraktere prosveshcheniya Evropy i ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii* [On the Nature of the Europe Enlightenment in Relation to the Russian Enlightenment]. Saint Petersburg: Obshchestvo pamyatii gumenii Taisii, 2015, 112 pp. (In Russian)

Löwith, K. *Mein Leben in Deutschland vor und nach 1933*. [<https://yadi.sk/i/d1nnNpVhw0E2vw>, accessed on 04.04.2020].

Rickert, H. *Filosofiya zhizni* [Philosophy of Life]. Minsk: AST, 2000, 240 pp. (In Russian)

Safranski, R. *Hajdegger. Germanskij masteri ego vremya* [The Master from Germany. Heidegger and His Time], trans. By T. Baskakova. Moscow: Molodaya gvardiya, 2002, 614 pp. (In Russian)

Schleiermacher, F. *Germernevtika* [Hermeneutics], trans. by A. Volskiy. Saint Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2004, 241 pp. (In Russian)

Schopenhauer, A. “Mir kak volya i predstavlenie” [Welt als Wille und Vorstellung], trans. by U. Aichenwald, in: *Sobranie sochineniy* [Collected Works], vol. 2. Moscow: Respublika, 2011, 560 pp. (In Russian)

Schubbe, D., Koßler, M. (Hrsg.). *Schopenhauer – Handbuch. Leben – Werk – Wirkung*. [URL: <https://www.springer.com/us/book/9783476045584>, accessed on 04.04.2020].

Vygotsky, L.S. “Dinamika i struktura lichnosti podrostka” [Dynamics and Structure of Adolescents’ Personality], in: *Hrestomatiya po vozrastnoy i pedagogicheskoy psikhologii* [Developmental and Educational Psychology], ed. by I. Iliyasov, V. Lyaudis. Moscow: MGU, 1980, pp. 138–142. (In Russian)

Weber, A. *Izbrannoe: Krizis evropeiskoi kultury* [Crisis of European Culture. Selected Works], trans. by M. Levina & T. Egorova. Saint Petersburg: Universitetskaya kniga, 1998, 556 pp. (In Russian)

Weber, M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], trans. by Yu.. Davydov. Moscow: Progress, 1990, 808 pp. (In Russian)

Weber, M. *Zhizn’ i tvorchestvo Maksa Webera* [Max Weber: Biography]. trans. by M. Levina. Moscow: ROSSPEN, 2007, 656 pp. (In Russian)

Windelband, W. *Prelyudii: filosofskie stat’ii rechi* [Philosophical Articles and Speeches], trans. by S. Frank. Moscow: Giperboreya, 2007, 399 pp. (In Russian)